

РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: СЛОВО ПРОБЛЕМА¹

RUSSIAN CULTURAL CONCEPTS IN THE EUROPEAN LINGUISTIC PERSPECTIVE: THE WORD PROBLEMA

Анна А. Зализняк (*anna-zalizniak@mtu-net.ru*)

Институт языкознания РАН, Москва

В докладе обсуждается история бытования слова *проблема* в русском языке. Показано, что новое, пока не фиксированное словарями значение этого слова, реализующееся в конструкции *У X-а проблемы с Y-ом*, является калькой с западноевропейских языков, а заимствование этого значения является одновременно свидетельством и инструментом распространения заключенного в нем ментального стереотипа.

Через день после сотворения райского сада Адам звонит Богу: «Боже, у меня проблема». «Какая проблема? – спрашивает Бог. – Господи, я знаю, Ты сотворил меня и обеспечил меня всем в этом прекрасном саду. Но я несчастлив [...]»

Для исследования Европейского многоязычного лингвокультурного пространства представляет интерес составление списка слов, присутствующих во всех языках Европы в тождественной (с точностью до национальной фонетики) форме, т.е. заимствований, распространившихся по всему ареалу. Я имею в виду, в первую очередь, не такие политические и общенаучные интернационализмы, как *демократия*, *постмодернизм*, *тезис* или *апогей*, а слова обиходные, употребляющиеся в повседневной речи, – но при этом непредметные, т.е. обозначающие, так сказать, не общие вещи (типа *такси* или *вирус*), а общие идеи, т.е. способы концептуализации явлений. Как кажется, таких слов не так уж много; к интересующему нас списку общеевропейских обиходных терминов принадлежат, в частности, слова *идея*, *идиот*, *характер*, *натура*, *интерес*, *аппетит*, *катастрофа*, *скандал*, *юмор* – а также слово *проблема*, о котором пойдет речь в данной статье².

Это слово имеется во всех европейских языках: в английском, немецком, нидерландском, шведском, датском, шведском, французском, итальянском, испанском, португальском, румынском; в греческом; в русском, польском, чешском, болгарском, сербском и хорватском, а также в финском и в венгерском. Не имея возможности провести исследования этого слова во всех перечисленных языках, отметим только, что по текстам на этих языках, находящимся в Интернете, очевидно, что уровень экспансии этого слова и спектр его значений в разных языках различны.

Употребление слова *проблема* в современном русском разговорном языке может служить прекрасным примером, демонстрирующим Гумбольдтовское понятие *sprachliche Weltansicht*: тот факт, что в слове может быть заключено некоторое общее представление о мире, – которое навязывается языком говорящему на этом языке. Именно с этой точки зрения оно и будет нас интересовать.

Анализ слова *проблема* затрудняется тем обстоятельством, что оно, как я уже сказала, есть во всех языках Европейского ареала, и значит, как кажется, примерно одно и то же. Однако, это не совсем так.

Слово *проблема* было заимствовано русским языком из немецкого (как считается, через посредство польского) [Фасмер 1996, III: 371], [Крысин 1998:563]. Это слово появилось в русском языке в начале XVIII в. и зафиксировано в словарях с конца XVIII в. [Черных 1994, II: 68]. Слово *проблема* происходит из греч. πρόβλημα (букв. ‘брошенное перед <кем-то/чем-то>’, от глагола προβάλλω ‘бросать вперед’), скалькированного в латинском *projectum* (и далее, через посредство польского *przedmiot*, в русском *предмет* [Веселитский 1972: 63]). Исходное греческое слово имело, среди прочего, значения: ‘помеха, препятствие’; ‘предложенное, задача, проблема’ (по словарю Вейсмана); именно про эти два значения, их семантические и функциональные взаимоотношения и пойдет речь дальше.

В словарях современного русского языка МАС, [Крысин 1998] выделяются два значения: 1. Сложный теоретический или практический вопрос, требующий решения. *Проблема происхождения Земли* [←откуда, как и т.д. произошла Земля], *проблема землепользования*; *проблема Человек и Земля приобрела общегосударственное значение* (некая сфера жизни, в которой, как и в любой другой, имеются свои трудности). 2. *перен., разг.* О чем-н. трудно разрешимом, осуществимом. *Для него самому проснуться – целая проблема. Это не проблема.*

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 04-06-80063а.

² Это слово уже обсуждалось в докладах [Zalizniak 2005], [Ляшевская, Рахилина 2005].

Второе значение является производным от первого. Как и в западноевропейских языках, из которых оно пришло, слово *проблема* в русском языке первоначально принадлежало научному дискурсу, из которого оно в какой-то момент перешло в обыденную речь в значении, приблизительно, «трудное дело» – в отношении какой-то практической цели, которую трудно достичь (*получить визу в США – это проблема*) или в отношении какого-то вопроса, требующего решения (*у нее каждый раз проблема, что надеть*). Эти два варианта употребления (внутри второго значения) связаны между собой вполне очевидными отношениями, ср. квазисинонимию: *проблема в том, чтобы достать денег на лечение* ⇔ *проблема в том, где достать денег на лечение*.

Первое значение (будем называть его *проблема 1*) соответствует употреблению этого слова в научном дискурсе. В этом значении слово *проблема* употребляется обычно с дополнением в родительном падеже. Содержание семантической связи, кодируемой родительным падежом дополнения (т.е. тип свернутой предикации), может быть несколько различным. Так, *проблема старения населения* [⇐ население стареет; это плохо]. Но может быть и наоборот: *проблема воспитания нового человека* [⇐ надо воспитать нового человека; это хорошо]. Таким образом, формула *проблема X-а*, где *X* – номинализация некой пропозиции, неоднозначна: либо (i) ‘имеет место X, это плохо; как это устранить?’; либо (ii) ‘нужно, чтобы было X, как этого достичь?’. При неполной номинализации возможны и другие смысловые связи, ср.: *проблема отцов и детей* [⇐ в отношениях между отцами и детьми имеются определенные трудности]; *проблема школьного образования* [⇐ организация школьного образования – трудная вещь] и т.д. В последнем случае конструкция с генитивом может просто называть некоторую предметную область (ср. *работа посвящена проблеме сверхпроводимости*).

С другой стороны, проблемы бывают, так сказать, общие, в большей степени теоретические (как устроен объект X?; как преодолеть трудности, связанные с явлением X?) и частные, в большей степени практические: чисто интеллектуальные (куда он мог положить ключи?) и связанные с принятием решения: кого позвать на день рождения, куда пойти учиться, что надеть, как получить американскую визу, где достать денег, а также (без вопросительного слова) вовремя проснуться, не опоздать на работу, и т.п. Про все эти вещи по-русски говорят *это проблема*, т.е. ‘это трудно’ и/или ‘не знаю как это сделать’. Такое употребление соответствует второму значению (по словарям), будем называть его *проблема 2*.

Однако в русском языке имеется, помимо этого, весьма значительный круг употреблений слова *проблема*, где речь идет о вещах скорее практического характера, однако, они не укладываются в определение «о чем-то трудно разрешимом, осуществимом». Назовем этот тип употребления *проблема 3*; именно он и является основным предметом нашего интереса. Речь идет о конструкциях *у кого-то проблемы* (во мн.ч.) *с кем-то/кем-то*: *у меня проблемы с сыном* (прогуливает школу; грубит бабушке); *у нее проблемы с другом* (поссорились; он ей изменяет); *у нее проблемы с памятью* (все забывает); *у него проблемы с ушами* (они лопухие, и это ему не нравится). При том, что здесь используется специфически русская конструкция «у + родит. падеж», не имеющая эквивалентов в западных языках, выражение в целом, очевидно, является калькированным. Достаточно посмотреть тексты в Интернете, например, на немецком языке: *Habe Probleme...* – без *ich*, т.е. сугубо разговорное – название целой рубрики. Наиболее частый тип таких проблем связан с компьютером и прочей техникой: что-то не получается сделать, при том, что должно получаться. Другая не менее популярная область такого рода проблем – здоровье и секс.

Именно это «должно» в презумпции и составляет, по-видимому, специфику значения *проблема 3* в русском языке, выдающую ее «иностранный происхождение» (заметим, что в других значениях этого компонента нет; его не отмечают и словари; впрочем, в словарях обсуждаемое значение вообще не дифференцировано). *Проблемы* в этом смысле – это препятствия, которые возникают на пути н о р м а л ь н о г о течения процесса жизни. Все, что попадает в сферу *проблемы 3*, оказывается, по предположению, частью этого нормального хода вещей: нормально, если сын хорошо учится и хорошо воспитан, нормально иметь хорошую память, обычной формы уши, уметь получать нужный эффект от компьютера, его отдельных функций и программ. Приведем в этой связи следующую фразу из книги [Лакофф, Джонсон 2004: 174]³: “Жить в соответствии с химической метафорой означало бы принять как факт, что никакая проблема не исчезает навечно [...] Проблемы стали бы, скорее, частью естественного устройства мира, чем б о л е з н я м и , т р е б у ю щ и м и « л е ч е н и я »” (каковыми они, по мысли авторов, являются на самом деле; разрядка моя – А.З.).

Конструкция *у X-а проблемы с Y-ом* является, по-видимому, наиболее явным признаком значения *проблема 3* и содержащегося в нем взгляда на мир.

В ед. ч. в конструкции *с у меня...* слово *проблема* вводит ее изложение, ср.: *Это компания МИГ-Телеком? У меня такая проблема...* В этом употреблении слово *проблема* служит просто катафорическим обозначением некой ситуации, в которой имеются какие-то трудности, требующие разрешения. И дальше – слово *проблема* превращается в своего рода слово-паразит, универсальный классификатор для сколько-нибудь сложной ситуации.

Совсем четкой границы между значениями 2 и 3 нет, именно поэтому значение *проблема 3* так незаметно и легко вошло в русский язык. Между тем оно является носителем идеи, отсутствующей в значениях 1 и 2: что жизнь н о р м а л ь н о протекает без п р о б л е м , доставляя живущему удовольствие, чувство, что у него *все*

³ Речь идет о метафоре «растворения», заключенной в выражениях англ. *resolve the problem*, франц. *resoudre le probleme*, от лат. *solvo*; во франц. языке слово *solution* имеет значения ‘раствор’ и ‘решение (проблемы)’; в современных словарях эти слова фигурируют как омонимы.

ОК. Любая вещь, препятствующая этому ощущению – будь то отсутствие денег, головная боль, измена жены, разлад с детьми, или что угодно – является *проблемой*, которая должна быть устранена, чтобы восстановить нормальное положение вещей, т.е. состояние, когда *все ОК*.

Вернемся теперь к внутренней форме слова *проблема* и покажем, что разные значения этого слова соответствуют двум различным метафорам, возникшим на основании образа «<чего-то> брошенного перед <кем-то>». А именно, «брошенное перед» может представлять как некая цель, которую человек перед собой ставит (ср. близкую метафору в концептуализации намерения во франц. *proposition* и русск. устар. *предположение* 'намерение'). В этом случае сам этот «брошенный перед» предмет представляет некую цель, и тем самым ценность. Это – *проблема 1*: он *занимается* такой-то научной *проблемой*; эта *проблема* кого-то *занимает*, *интересует*; ее *формулируют*, ее *исследуют*.

Проблема 2 – это помеха, которую необходимо устранить. Здесь тот же пространственный образ получает иное «профилирование»: как будто кто-то бросил камень, который преградил мне путь. Меня не интересует сам этот камень: он является лишь препятствием на моем пути, и меня интересует только то, как это препятствие устранить или обойти. Соответственно, *проблема 2* *возникает* и ее *решают* – и тем самым уничтожают (ср. упоминавшееся выше выражение *resolve the problem*). Ту же метафору реализует и производное от *проблема 2* значение *проблема 3*.

Что касается истории бытования слова *проблема* в русском языке, приведем данные, полученные из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru)⁴. Удивительный факт состоит в том, что в имеющихся в корпусе документах периода с 1900 по 1920 гг. слово *проблема* не встретилось ни разу, ни в каком значении. (Надо сказать, что это, в основном, частная переписка Е. Кузьминой-Караваевой, а также проза М. Цветаевой; если бы в корпус были включены сочинения каких-то других авторов, то слово *проблема*, возможно, появилось бы). Но так или иначе, эти данные говорят о том, что для языка русской интеллигенции начала 20-го в. слово *проблема* не было актуально.

В период с 1920 по 1950 слово *проблема* встречается в 9 документах из 59 (т.е. менее чем в 1/6 части текстов, среди которых имеется: проза М. Цветаевой, В. Ходасевича, К. Паустовского, В. Каверина, А. Ахматовой, А. Мариенгофа, В. Катаняна, Е. Кузьминой-Караваевой, Э. Казакевича, А. Лосева, и др.). Подавляющее большинство примеров приходится на тексты В. И. Вернадского (*проблема сознательного регулирования размножения, проблемы современной физики*), прозаические тексты Ахматовой (*проблема изображения общечеловеческих страстей, проблема реализма, проблема счастья* <в творчестве Пушкина>) и сочинения Льва Троцкого (*проблемы революции, теоретические и тактические проблемы, проблемы массового действия, проблемы психоанализа*) – что весьма показательно, т.е. оно встречается в научном и политическом дискурсе.

Упомянем также тот факт, что во всех русских рассказах Набокова (текст объемом 22 печатных листа), относящихся к тому же периоду, слово *проблема* встретилось один раз:

Конечно, я не обольщаюсь вашей способностью увлекаться *мировыми проблемами*, но мне кажется, идея моего журнала вас заинтересует со стилистической стороны, – так что приходите. (Набоков. Василий Шишков)

Еще один раз оно употреблено в романе «Дар» (в главе о Чернышевском):

...точно также как Маркса привел к мысли о необходимости ознакомиться с *экономическими проблемами* вопрос о гномах-виноделах («мелких крестьянах») в долине Мозеля.

В романах «Другие берега», «Машенька», «Защита Лужина», «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Приглашение на казнь» это слово ни встречается ни разу. Это, очевидно, говорит о том, что Набоков не признавал за словом *проблема* права вхождения в достойный его русский язык (можно предположить, что Набоков считал это слово признаком либо «советского», либо «буржуазного» – т.е. так или иначе «пошлого»–дискурса). Ср. также следующее высказывание Г. Адамовича:

Не могу отказаться от кавычек при слове «*проблема*». Иностранные слова законны и необходимы, особенно в языке еще не вполне сложившемся, но от «*проблем*» веет чем-то слишком уж книжным, интеллигентским, приват-доцентским (цит. по: [Шварцкопф 1997: 378]).

Слово *проблема* не встречается также у Чехова, Бунина и Куприна. Единственный пример из Куприна – на значение *проблема 2*:

Ну, что вы сказали бы, например, если бы к вашей молодой энергии, силе и знаниям обратился великий ученый, который, положим, работает над *проблемой* – из простых элементов, входящих в воздух, составить вкусное, питательное и съедобное, почти бесплатное вещество? (Куприн. Жидкое солнце)

После 1950-го г. употребление слова *проблема* начинает резко возрастать.

В последние десятилетия слово *проблема* в русском языке необычайно расширило свое употребление за счет значения *проблема 2*, а также производного от него *проблема 3*: 'обстоятельство, мешающее гладкому, нормальному, беззаботному ходу вещей'; нечто, что необходимо устранить, чтобы восстановить н о р м а л ь н ы й, т.е. беззаботный, ход вещей. В этом значении слово *проблема* в современном русском языке является семантической калькой с западноевропейских языков, а именно, английского (т.е. оно фактически было

⁴ По состоянию на июль 2005 г.

заново заимствовано). Слово *проблема* в этом значении воспринимается чувствительными носителями русского языка как нечто «вульгарное» – что отражает его чуждость русской языковой картине мира. Как кажется, именно на этом основан эффект фразы из анекдота об Адаме, вынесенной в эпиграф⁵: то, что человек *несчастлив*, может вызывать у другого человека сочувствие или оставлять его равнодушным – но это никак не *проблема*, т.е. не помеха на пути «нормального» течения жизни. С другой стороны, согласно русской языковой картине мира, «нормальное течение жизни» не предполагает, что человек в нем *счастлив* – в отличие от англ. *happy*). Счастье – это абсолютно экстраординарное состояние, которое практически недостижимо (см. об этом [Wierzbicka 1992, Зализняк 2003]). Здесь еще, очевидно, воспроизводится жанр «западных» анекдотов, где пародируется диалог пациента с психоаналитиком: в этой ситуации то, что человек *несчастлив* – это именно и есть та *проблема par excellence*, которая приводит человека к психоаналитику: то, что препятствует нормальной жизни, в которой человек должен ощущать себя *happy* (или, по крайней мере, *OK*) и которую психоаналитик призван так или иначе *решить*, т.е. сделать так, чтобы человек снова обрел «нормальное» состояние *happy*⁶.

Приведем еще один анекдот⁷, где слово *проблема* выдает его «иностранный происхождение».

«Ребе, помоги мне, мой сын стал христианином». – «Да... Тут надо посоветоваться с Богом. Приходи завтра». На следующий день: «Шломо, дело твое совсем плохо. Бог сказал, что у Него та же самая *проблема*».

Комический эффект (по крайней мере, русского варианта) возникает именно за счет неуместности обозначения ситуации, о которой идет речь, словом *проблема* 3 (= ‘препятствие, которое нужно думать как устранить’).

Другая особенность слова *проблема* 3 состоит в том, что оно представляет собой способ отсылки к ситуациям, которые называть «прямо» неприлично (так, неприлично рассказывать постороннему человеку о своей тяжелой болезни или семейной драме); т.е. слово *проблема* – это способ косвенной номинации ситуации. В таких случаях говорят *У меня проблемы* – и этого вполне достаточно и говорящему и слушающему. Так, фраза *У нее проблемы с другом* может быть сказана европейской студенткой преподавателю в качестве объяснения того, почему подруга не явилась на экзамен. Между тем вряд ли в этой ситуации та же студентка могла бы сказать преподавателю, что ее подруга не пришла на экзамен, потому что ее бросил любовник. Подобное оправдание трудно представить себе также и в устах русской студентки. Современный русский студент в описанной ситуации скорее всего скажет ту же фразу, что и европейский (*У нее проблемы с другом*), но классический русский речевой этикет в данной ситуации категорически требует придумать какой-то более приличный предлог.

Приведем еще один пример употребления слова *проблема* в целях косвенной номинации ситуации – из газеты «Коммерсант» за 19 января 2006 г.; статья называется «Анатолия Чубайса попросили не выражаться»:

«Думаю, президенту Воронину не нужно удивляться, если у него появятся очень серьезные *проблемы* в самом ближайшем будущем» – пригрозил господин Чубайс.[...] С ответной репликой выступил советник президента по внутренней политике Марк Ткачук. Он расценил угрозы главы РАО ЕЭС России как «прецедент использования в международных отношениях *бандитской лексики, недопустимой для чиновника такого ранга и такой репутации*»⁸.

Итак, схематично ситуация такова. Слово *проблема* пришло в русский язык в XVIII в. из Западной Европы как «ученое» слово, обозначающее, приблизительно, «трудный вопрос, требующий разрешения». Это слово принадлежало почти исключительно научно-бюрократическому дискурсу; в бытовом языке, также как и в языке художественной литературы, в течение всего XIX в. этого слова нет: так, его нет в Словаре языка Пушкина, его нет у Толстого, нет у Достоевского, Гаршина, Вересаева. В первой половине XX в. оно, в какой-то степени, входит в обыденную речь, но в язык художественной литературы проникает лишь к середине XX в. В какой-то момент появляется новое значение: «практическая цель, которую трудно достичь». И далее, существенно позже, происходит еще один сдвиг – но это уже не просто сдвиг, а результат семантического калькирования с западноевропейских языков: слово *проблема* начинает употребляться в значении «обстоятельство, мешающее нормальному, т.е. гладкому, беззаботному ходу вещей»; нечто, что необходимо *устранить*, чтобы восстановить *нормальный* ход вещей, при котором человек получает удовольствие от жизни. Это значение непосредственно связано с комплексом представлений, отраженных также в других ключевых словах «западной культуры» – таких как *happy, enjoy, OK*⁹. Не случайно строгие блюстители чистоты

⁵ Анекдот взят мною из статьи [Шмелева, Шмелев 2006], где он характеризуется как «западный» анекдот о семейных отношениях, в котором отражается характерный «мужской шовинизм» (в нем идет речь о сотворении Евы из ребра Адама). Однако на переводной характер анекдота в не меньшей степени указывает употребление в данном контексте слова *проблема*.

⁶ Ср. критику этой установки как таковой в «Дневниках» протоиерея Александра Шмемана (обратим внимание на употребление кавычек при слове *проблема*): «“Проблема” М., “проблема” С., “проблема” А., “проблема” С.М., “проблема” матушки Х: как им дать понять, что никаких “рецептов” и “решений” у меня нет, что это мучительное искание помощи есть вид бегство от себя, от жизни, от совести, от решения» (Шмеман 2005: 219).

⁷ Также из статьи [Шмелева, Шмелев 2006].

⁸ Этим примером я обязана Е.Я.Шмелевой.

⁹ Ср. название известной книги Э.Харриса по популярному психоанализу «I am OK, you are OK»; заметим, что в русском переводе [Харрис 2001], сохранено слово *OK*, и это правильно: это слово лингвоспецифичное и переводу неподдающееся.

русского языка первой половины XIX века (такие как Цветаева и Набоков) слова *проблема* вообще не употребляют.

В русском языке имеется также разветвленная сеть фразеологических клише (в значительной части – калькированных с английского): *нет проблем; не проблема* (вариант: *не вопрос*); *без проблем; это не моя проблема; это твои (ваши) проблемы* = ‘это меня не касается’; *создавать себе проблемы* и т.п. Все эти выражения отсылают к картине мира, в которой нормой является беспрепятственное и беззаботное движение по жизни.

Таким образом, с появлением в русском языке нового значения у слова *проблема* появился и новый концепт. Какова будет его дальнейшая судьба и его влияние на эволюцию русской языковой картины мира, пока сказать трудно. Однако можно с определенностью сказать, что модель (*У кого-то*) *проблема с чем-то/кем-то* прочно вошла в русский язык. Возможно, дело в том, что она соответствует одной из моделей безличных предложений (описанной М. Гиро-Вебер); ср.: *у него не удача с экспедицией; с деньгами у вас будет плохо; с билетами было трудно, с пьесой не ладилось; с продуктами все еще было плохо; с жильем постоянные трудности; у меня с работой не получается; с нервами у нее нехорошо; рабочих хватает, а с инженерами неважно* и т.п. (Guiraud-Weber 1984: 336-349). Слово *проблема*, очевидно, является просто обобщающим для всех перечисленных вариантов трудностей, нехваток и неполадок.

Литература

17. Веселитский В. В. *Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII - начала XIX в.* М., 1972.
1. Зализняк Анна А. *Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира.* // *Русский язык в научном освещении*, №5, 2003.
2. Крысин Л. П. *Словарь иноязычных слов русского языка.* М., 1998.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем.* М., 2004.
4. Ляшевская О. Н., Рахилина Е. В. *Многозначность сквозь призму дискурса // Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21-28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров.* М.: РГГУ, 2005, с. 229-231.
5. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт.* СПб., 1996.
6. Харрис Т. Э. *Я – о'кей, ты – о'кей.* М., 2001.
7. Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х тт.* М., 1994.
8. Шварцкопф Б. С. «Я поставил кавычки потому, что...» // *Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева.* М., 1997.
9. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. *Библейские мотивы в русских анекдотах // Сборник статей в честь В. Г. Гака.* М., 2006 (в печати).
10. Прот. Александр Шмеман. *Дневники 1973–1983.* М., 2005.
11. Guiraud-Weber M. *Les propositions sans nominatif en russe moderne.* Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1984.
12. Wierzbicka A. *Talking about Emotions: Semantics, Culture, and Cognition.* – *Cognition and Emotion*, 6 (3/4), 1992. P. 285-319.
13. Zalizniak Anna A. *The Russian word problema in a Cross-Linguistic Perspective // ICCEES VII World Congress. «Europe – Our Common Home?» Berlin, July 25-30, 2005. P. 477-478.*